

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов

Есть многое на небе и земле...

Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158263

Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Пуга; 1994

Оригинал: Isaac Asimov, "More Things in Heaven and Earth"

Перевод:

Михаил Борисович Левин

Аннотация

Еще один знакомый Джорджа из рассказа Айзека Азимова «Есть многое на небе и земле...», относящегося к циклу о демоне Азазеле, Виссарион Джонсон был выдающимся экономистом и когда ему предложили пост председателя престижного экономического клуба, тот заволновался. Первый председательствующий пробыл на своем посту 32 года, второй – 16, третий – 8, четвертый – 4, а пятый 2 года. Стало быть Джонсону предстояло прожить лишь год, если следовать этой аналогии. Джордж попросил Азазела...

Айзек Азимов

Есть многое на небе и земле...

Во время обеда Джордж был непривычно тих. Он даже не стал меня останавливать, когда я решился просветить его, рассказав несколько из многочисленных придуманных мной за последние дни острот. Он лишь слегка фыркнул на лучшую из них.

За десертом (горячий пирог с черникой) он тяжело вздыхал из самой глубины своего чрева, обдавая меня не слишком приятным напоминанием о съеденных за обедом ома-рах.

– В чем дело, Джордж? – спросил я наконец. – Вы чем-то озабочены.

– Меня иногда забавляет, – ответил Джордж, – ваша вот такая спонтанная чуткость. Обычно вы слишком глубоко уходите в свои писательские мыслишки, чтобы замечать страдания других.

– Но уж если мне удалось такое заметить, – настаивал я, – то пусть те усилия, которых это мне стоило, не пропадут зря.

– Я просто вспомнил своего старого приятеля. Бедняга. Виссарион Джонсон его звали. Полагаю, вы о нем ничего не слышали.

– И в самом деле не слышал, – сказал я.

– Увы, такова слава мирская, хотя, я думаю, нельзя пенять человеку за то, что его не знает личность с вашим ограниченным кругозором. Виссарион же был великим экономистом.

– Это вы нарочно, – сказал я. – Даже вы не позволите себе такой неразборчивости в знакомствах.

– Неразборчивости? Виссарион Джонсон был весьма почтенным и образованным человеком.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. Я имею в виду всю профессию в целом как таковую. Мне рассказывали анекдот, как президент Рейган, работая над федеральным бюджетом, встретился с математическими трудностями и обратился к физику: «Сколько будет дважды два?» Физик немедленно ответил: «Четыре, мистер президент», Рейган немножко посчитал на пальцах, сбился и спросил у статистика: «Сколько будет дважды два?» Статистик подумал и дал следующий ответ: «Мистер президент, последние опросы среди учеников четвертых классов дают выборку ответов со средним значением, разумно близким к четырем». Но поскольку дело касалось бюджета, президент решил проконсультироваться у специалистов самого высокого класса. И поэтому он обратился к экономисту: «Сколько будет дважды два?» Экономист сдвинул темные очки на нос, быстро глянул по сторонам и спросил: «А сколько вам нужно, мистер президент?»

Если Джорджа и позабавила эта история, то он не показал этого ни словом, ни жестом. Вместо этого он сказал:

– Вы, мой друг, ничего не понимаете в экономике.

– Экономисты тоже, Джордж, – сказал я.

– Давайте я вам расскажу историю моего друга, экономиста Виссариона Джонсона. Это случилось несколько лет назад.

Виссарион Джонсон, как я вам уже сказал, был экономистом, достигшим почти что вершин своей профессии. Он кончал Массачусетский технологический институт и научился там писать зубодробительные уравнения недрогнувшим мелом.

Получив образование, он сразу вступил на стезю практической работы и благодаря тем фондам, которые были ему предоставлены многочисленными клиентами, глубоко изучил важность случайных колебаний в процессе дневных изменений на рынке ценных бумаг. Его искусство поднялось так высоко, что последующие его клиенты почти ничего не проигрывали.

Иногда он набирался смелости предсказывать, что на следующий день акции поднимутся или упадут в зависимости от того, будет ли обстановка благоприятной или неблагоприятной, и каждый раз такое предсказание попадало в точку.

Разумеется, в результате подобных триумфов он прославился как Шакал Уолл-Стрита, и его советы ценились многими из наиболее известных охотников за длинным долларом.

Но он метил куда выше фондовой биржи, выше коммерческих махинаций, выше умения предсказывать будущее. Он хотел ни больше, ни меньше, как звания Главного Экономиста Соединенных Штатов, или, как чаще называли этот пост, «экономического советника президента».

При ваших ограниченных интересах вряд ли можно ожидать от вас понимания, что такое – Главный Экономист. Президент Соединенных Штатов обязан принимать решения, определяющие правительственные установления по торговле и труду. Он должен управлять движением денег и влиять на работу банков. Он должен налагать вето, затрагивающие сельское хозяйство, торговлю и промышленность. Он должен из налоговых поступлений отделять долю для военных и распределять остальное – если будет что. И по всем этим вопросам он обращается за консультацией к Главному Экономисту.

И когда это происходит, Главный Экономист должен ответить немедленно и в точности то, что хочет услышать от него президент. И выразить это должен теми самыми двусмысленными фразами, которыми президент будет потом представлять свое решение американской общественности. Когда вы начали свой анекдот про президента, физика, статистика и экономиста, я было подумал на минуту, что вы понимаете суть дела, однако ваше глупое хихиканье в конце обнаружило полное непонимание вопроса.

К сорока годам Виссарион достиг квалификации, доста-

точной для занятия любого, даже самого высокого поста. В холлах и кабинетах Института правительственной экономики давно уже стало широко известно, что за последние семь лет Виссарион Джонсон ни разу не сказал никому ничего такого, что его собеседник не хотел бы услышать. И более того, он прошел в КУВ на «ура».

Не поднимая глаз от своей пишущей машинки, вы вряд ли слышали когда-нибудь о КУВ. Эта аббревиатура обозначает «Клуб Уменьшающихся Возвратов». На самом деле о нем знают очень немногие. Даже среди экономистов низшего ранга мало посвященных. Он представляет собой малый круг избранных, глубоко овладевших таинственным миром эзотерической экономики – или, как ее назвал один деревенщина-политик – «вудуистская экономика».

Хорошо известно, что никто, не входящий в КУВ, не может влиять на федеральное правительство, а любой входящий – может. Итак, когда довольно неожиданно умер председатель КУВ и организационный комитет предложил Виссариону занять этот пост, у того сердце замерло. Будучи председателем, он наверняка получил бы должность Главного Экономиста при первой возможности и находился бы у самого истока и корня власти, двигая рукой президента именно так, как хотел бы сам президент.

Был, однако, некоторый момент, не дававший Виссариону покоя и приводивший его в замешательство. Ему требовалась помощь равного ему по интеллекту и проницательно-

сти человека, так что он, как и любой бы на его месте, обратился ко мне.

– Джордж, – сказал он. – Стать председателем КУВ – это исполнение моих надежд и самых смелых мечтаний. Это открытые ворота славного пути экономического сикофанта, на котором я смогу потягаться с другим подтвердителем догадок президента – Главным Ученым Соединенных Штатов.

– Вы имеете в виду научного советника президента?

– Да, если вы хотите употреблять неофициальные названия. Стоит мне стать председателем КУВ, и меня через два года наверняка сделают Главным Экономистом. Однако...

– Однако? – переспросил я.

Виссарион сделал над собой видимое усилие:

– Я должен буду начать сначала. Клуб Уменьшающихся Возвратов был создан шестьдесят два года тому назад и получил свое имя в честь закона уменьшающихся возвратов, или уменьшающейся доходности, о котором слышал каждый экономист, как бы хорошо он ни был обучен. Первый президент клуба, весьма достойный человек, предсказавший серьезный спад на рынке ценных бумаг в ноябре 1929 года, был переизбираем на свой пост каждый год тридцать два раза подряд и умер в почтенном возрасте девяноста шести лет.

– Весьма похвально с его стороны, – сказал я. – Многие сдаются гораздо раньше, в то время как нужно лишь проявить решительность и целеустремленность, чтобы дожить до девяноста шести и даже больше.

– Второй наш председатель действовал почти столь же успешно и занимал этот пост шестнадцать лет. Он единственный, кто не стал Главным Экономистом. Он этого заслуживал и был назначен на этот пост Томасом И. Дьюи, но вот как-то... Наш третий председатель умер, пробыв на этом посту восемь лет, а четвертый – побыв председателем четыре года. Наш последний председатель, умерший в прошлом месяце, занимал свой пост два года. Вы здесь ничего не видите странного, Джордж?

– Странного? Они все умерли естественной смертью?

– Конечно.

– Ну, если принять в рассмотрение занимаемый ими пост, именно это и странно.

– Чушь, – сказал Виссарион несколько несдержанно. – Я прошу вас обратить внимание на время пребывания на посту каждого нашего председателя: тридцать два, шестнадцать, восемь, четыре и два.

Я на минуту задумался:

– Числа становятся все меньше и меньше.

– Не просто меньше. Каждое из них ровно половина от предыдущего. Можете мне поверить, я проверил у знакомого физика.

– Вы знаете, вы правы. Кто-нибудь еще заметил?

– Разумеется, – ответил Виссарион. – Я показал эти цифры моим сочленам по клубу, и они сказали, что эти цифры не имеют статистической значимости, если, конечно, пре-

зидент не издаст указа по этому поводу. Но вы-то видите значимость? Если я приму пост председателя, я умру через год. Это непременно. А если так, то президенту будет крайне трудно назначить меня после этого на пост Главного Экономиста.

– Да, – сказал я, – это действительно дилемма, Виссарион. Мне случалось видеть правительственных чиновников, не проявляющих никаких признаков жизни разума, но среди них не было не проявляющих признаков жизни вообще. Давайте я это денек обдумаю, ладно?

Мы договорились о встрече на следующий день в то же время и на том же месте. Это был прекрасный ресторан, и, в отличие от вас, Виссарион не жалел для меня корки хлеба.

Как вы говорите? Ладно, омаров по-ньюбургски он для меня тоже не жалел.

Это очевидным образом был случай для Азазела, и я чувствовал, что поступаю справедливо, когда поручаю эту работу моему двухсантиметровому демону с его сверхъестественными возможностями. В конце концов, Виссарион не только был добрым человеком с хорошим вкусом насчет ресторанов. Я искренне считал, что он может сослужить огромную службу нашей нации, подтверждая мнения президентов и отвергая возражения специалистов, которые разбираются лучше. В конце концов, этих специалистов-то разве кто-нибудь выбрал?

Нельзя сказать, чтобы Азazel сильно обрадовался вызову. Он обратил на меня внимание только после того, как бросил то, что было у него в ручках. Предметы были слишком малы, чтобы я мог рассмотреть в деталях, но мне показалось, что это какие-то картонные прямоугольнички с любопытными рисунками.

– Ты! – сказал он, и его мордочка налилась сочным желтым цветом ярости. Он вертел хвостом, как сумасшедший, а рожки на голове дрожали от прилива чувств. – Ты понимаешь ли, ты, умственно отсталая биомасса, – визжал он, – что ко мне наконец пришел зотхил, и не просто зотхил, а зотхил полный и с парой рейлов! Они все против меня ставили, и выигрыш был точно мой! Да я бы половину всего стола обчистил!

Я сурово сказал:

– Не понимаю, о чем ты говоришь, но это звучит так, как будто ты только что играл в азартные игры. Разве это достойно цивилизованного и утонченного существа? Что бы сказала твоя бедная матушка, увидев, как ты тратишь время своей жизни на азарт среди шайки бездельников?

Азazel, похоже, был ошеломлен. Потом он промямлил:

– Ты прав. У моих матушек сердце бы разбилось. У всех троих. Особенно у моей бедной средней матушки, что столь многим для меня пожертвовала.

И он разразился сопрановыми рыданиями, от которых режало слух.

– Ну, ладно, ладно, – успокаивал я его. Мне хотелось заткнуть уши, но я боялся его обидеть. – Ты можешь искупить свой грех, оказав благодеяние этому миру.

И я рассказал ему о Виссарионе Джонсоне.

– Хм-м, – сказал Азazel.

– Что это значит? – встревоженно переспросил я.

– Это значит «хм-м», – огрызнулся Азazel. – Что это еще, по-твоему, может быть?

– Так ты считаешь, что все это чистое совпадение и что Виссарион не следует принимать его во внимание?

– Возможно – если бы не то, что это никак не может быть чистым совпадением и твоему Виссариону следует принять его во внимание. Случившееся должно быть проявлением закона природы.

– Какой тут может быть закон природы?

– Ты думаешь, что знаешь все законы природы?

– Да нет.

– Наверняка нет, Наш великий поэт Первосвят написал на эту тему очень тонкий куплет, который я, с присущим мне поэтическим даром, переведу на ваше варварское наречие.

Азazel прочистил горло, задумался и произнес:

«Натура – искусство сокрыто от Божьих детей,
Ты не узришь никогда ея изощренных путей».

Я подозрительно спросил:

– А что это значит?

– Это значит, что здесь дело в законе природы, и мы должны разобраться, в чем он заключается и как с его помощью перестроить ткань событий согласно нашим целям. Вот что это значит. Ты думаешь, великий поэт моего народа стал бы лгать?

– Никогда. Так что мы можем сделать?

– Посмотрим. Законов природы, знаешь ли, очень много.

– В самом деле?

– Ты себе представить не можешь. Есть вот один очень симпатичный закон природы – чертовски красивое уравнение, если записать его в тензорах Вайнбаума – определяющий связь температуры супа с тем, насколько быстро его надо доесть. Возможно, что, если такое странное убывание срока председания подчиняется тому закону, которому как я думаю, оно подчиняется, я смогу изменить природу твоего друга таким образом, чтобы ему ничто на земле не могло повредить. Это, конечно, не защитит его от физиологического старения. То, что я собираюсь с ним сделать, не даст ему бессмертия, но он не умрет от болезни или несчастного случая, а этого, я думаю, достаточно.

– Полностью. А когда это будет сделано?

– Я пока не знаю точно. На этих днях я очень занят с одной юной особой женского пола моего вида, которая, похоже, в меня втрескалась по уши, бедняжка. – Он зевнул, закрутил раздвоенный язычок винтом и раскрутил снова. – У меня

намечается крупный недосып, но за два-три дня сделаю.

– Хорошо, а как я узнаю, что все сделано?

– Это просто, – ответил Азazel. – Подожди несколько дней и пихни своего приятеля под грузовик. Если он останется невредим, значит, моя работа удалась, А сейчас, если ты не против, я только доиграю этот единственный кон, а потом, с мыслью о моей бедной средней матушке, выйду из игры. Конечно, с выигрышем.

Не думайте, что убедить Виссариона в его безопасности не потребовало массы хлопот.

– Ничто на земле мне не повредит? – все спрашивал он меня. – А откуда вы знаете, что мне ничто на земле не повредит?

– Знаю. Послушайте, Виссарион, я же не ставлю под сомнение ваши профессиональные знания. Когда вы мне говорите, что процентная ставка упадет, я же не начинаю придираюсь и спрашивать, откуда вы знаете.

– Ладно, это все хорошо, но ведь если я скажу, что процентная ставка упадет, а она будет продолжать расти – это бывает не чаще, чем в половине случаев, – то будут задеты только ваши чувства. Если же я буду действовать в предположении, что мне ничто на земле повредить не может, а что-то меня все-таки заденет, то пострадают не только мои чувства. Это ведь Я пострадаю.

С такой логикой спорить невозможно, но я продолжал

спорить. Я постарался его уговорить хотя бы не отказываться прямо, а постараться отложить решение вопроса на несколько дней.

– Они никогда не пойдут на такую задержку, – упрямылся он, но вдруг, откуда ни возьмись, выяснилось, что настала годовщина «черной пятницы» и КУВ погрузился в ежегодный традиционный трехдневный траур с молитвами по усопшим. Проволочка возникла сама по себе, и уже одно это навело Виссариона на мысль, что ему кто-то ворожит.

Потом случилось, что, когда он снова вышел, на люди и мы с ним переходили улицу с сильным движением, я как-то (уже точно и не помню как) резко наклонился завязать шнурок, случайно потерял равновесие и упал на него, он тоже потерял равновесие, и тут же раздался адский визг шин и скрежет тормозов, и три машины сплющились в лепешку.

Но и Виссарион не остался совершенно невредимым: у него растрепались волосы, очки съехали на сторону, а на колене правой брючины появилось здоровенное масляное пятно.

Он, однако, не обратил на это внимания. Со сверхъестественным ужасом глядя на катастрофу, он бормотал:

– Не зацепило. Боже мой, даже не зацепило! Подумать только, не зацепило.

В тот же самый день он без плаща, без зонтика, без калош попал под дождь – холодный, мерзкий дождь – и не простудился. Даже не потрудившись вытереть волосы, он позвонил

и дал согласие занять пост председателя.

Его правление было примечательно. Прежде всего он увеличил впятеро свою ставку гонорара без всяких дурацких разговоров об увеличении средней точности прогнозов и т. п. В конце концов, клиент не может требовать слишком многого. Мало того, что он получает консультацию у профессионала, которому нет равных по престижу, так ему еще и советы подавай лучше, чем у других?

Во-вторых, он наслаждался жизнью. Никаких простуд, никаких вообще заразных заболеваний. Он переходил улицу, где хотел и когда хотел, не обращая внимания на светофоры, и при этом, надо сказать, катастрофы устраивал довольно редко. Он без колебаний заходил ночью в парк, а когда на улице хулиган приставил ему нож к груди и предложил произвести трансферт наличности, Виссарион просто двинул его ногой в пах и пошел дальше. Юный финансист был столь поглощен собственными ощущениями, что пренебрег необходимостью вовремя возобновить заявку.

В годовщину его председания я встретил его в парке. Он шел на торжественный обед, посвященный этому событию. Стоял дивный денек бабьего лета, и когда мы сели рядом на парковую скамейку, оба были спокойны и довольны.

– Джордж, – сказал он. – У меня был счастливый год.

– Приятно слышать, – ответил я.

– У меня репутация, которой мог бы позавидовать любой

экономист всех времен и народов. Только в прошлом месяце я предупреждал, что «Лапша анлимитед» должна будет слиться с «Ушным эликсиром», и когда они образовали компанию «Лап Ушка», все восхищались, как я почти предсказал результат.

– Помню, как же, – отозвался я.

– А теперь – я рад, что могу сказать вам первому...

– О чем, Виссарион?

– Президент попросил меня стать Главным Экономистом Соединенных Штатов, и я достиг предела своих мечтаний и дерзновений. Вот, смотрите!

Он достал плотный конверт, у которого в углу стоял внушительный штамп «Белый дом». Я его открыл, и в это время раздалось какое-то странное «дзин-н-нь», как будто пуля свистнула мимо уха, и краем глаза я увидел что-то вроде вспышки.

Виссарион раскинулся на скамейке, спереди на рубашке расплескалась кровь, и был он мертв. Кто-то из прохожих остановился, кто-то вскрикнул и поспешил прочь.

– Вызовите врача! – крикнул я, – Вызовите полицию!

Они в конце концов приехали и вынесли вердикт, что он был застрелен прямо в сердце из пистолета неизвестного калибра каким-то сумасшедшим снайпером. Ни снайпера, ни пули не нашли. К счастью, оказались свидетели, видевшие, что я ничего, кроме конверта, в руках не держал и потому чист от всяких подозрений. Иначе я мог иметь массу непри-

ятностей.

Бедняга Виссарион!

Он пробыл председателем точно один год, как он и опасался, но Азazel не был виноват. Он обещал только, что Виссариону ничто на земле не повредит, однако, как сказал Гамлет, «на небе и земле есть многое, друг Горацио, чего на земле нет».

Раньше, чем прибыли врачи и полиция, я заметил маленькую дырочку в деревянной спинке скамейки за спиной Виссариона. Перочинным ножиком я выковырял оттуда маленький темный предмет. Он был еще теплым. Через несколько месяцев я показал его в музее и понял, что был прав. Это был метеорит.

Короче говоря, Виссарион не был убит никаким земным предметом. Он – первый в истории человек, убитый метеоритом. Я об этом никому не рассказывал, поскольку Виссарион был человеком скромным, и подобная известность его бы не порадовала. Она затмила бы все его великие работы по экономике, а этого я допустить не мог.

Но каждый год в юбилей его взлета и его смерти я вспоминаю его и думаю: «Бедный Виссарион! Бедный Виссарион!»

Джордж промокнул глаза платком, а я сказал:

– А что случилось с его преемником? Он должен был удержаться на посту полгода, а следующий – три месяца, а следующий...

– Не надо, мой друг, угнетать меня своим знанием выс-

шей математики, – сказал Джордж. – Я не из ваших страдальцев-читателей. Ничего подобного не случилось, поскольку клуб сам сменил закон природы.

– Да? А как?

– Им стукнуло в голову, что название клуба – Клуб Уменьшающихся Возвратов – и есть то злое имя, что управляет сроками власти председателей. И они просто сменили название КУВ на КСР.

– А что значат эти буквы?

– Клуб Случайного Распределения, конечно, – сказал Джордж, – и следующий председатель уже занимает свой пост около десяти лет и все пребывает в добром здравии.

Тут как раз вернулся официант со сдачей, и Джордж, поймав ее в свой платок, небрежным и одновременно величественным жестом положил платок с деньгами в нагрудный карман, встал и, весело махнув рукой, вышел.